

Кубанскій Курьеръ

Воскресенье 6-го Июли 1914 года.

№ 1686

Маленькій фелетонъ.

Герои Чехова.

Лопухинъ изъ «Вишневаго Сада» открылъ кинематографъ. Хорошій кинематографъ! Мужъ убиваетъ жену; жена убиваетъ любовника; любовникъ убиваетъ мужа.

Недавно онъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ.

— Дѣльце есть...

— Чемъ могу быть полезенъ?

— Не возметесь ли сочиненія Чехова передѣлать для моего кинематографа? Интеллигентная публика требуетъ...

Мы разговорились. Я спросилъ объ остальныхъ герояхъ.

— Вамъ обо всѣхъ или только о моихъ товарищахъ по «Вишневому Саду»?

— Да ужъ обо всемъ.

— Пожалуйста.

Лопухинъ сталъ рассказывать.

— Господина Гаева изволите помнить? Попалъ въ свою дворянскую полочку. Въ націоналисты пошелъ. Важная теперь персона. Сразу жалованья прибавили въ банкѣ. Въ двухъ лотошныхъ клубахъ предсѣдателемъ состоитъ. «Теперь,— говоритъ,— нашему брату, дворянину, имѣній не надо. Съ землей одна обуза. Мы, дворяне, не сѣмъ, не жнемъ, а сыты бываемъ».

Хорошо живетъ.

— А три сестры?

— Въ Москву все-таки выбрались. Въ старшей фонтанъ патристическихъ чувствъ забилъ. На хорошемъ счету.

— А Маша?

— Ничего, живетъ не плохо.

Недавно въ отдѣльномъ кабинетѣ кого-то застрѣлила. Оправдали. Ирина въ декадентки пошла. Въ платьѣ три разрѣза. На головѣ обручъ. Теперь она отъ египетской Клеопатры свой родъ ведетъ. Не плохо живетъ и дядя Ваня.

— Въ своемъ имѣніи?

— Нѣтъ, зачѣмъ въ имѣніи? Кто нынче изъ господъ дворянъ въ имѣніи живетъ? Въ столицѣ онъ.

— Служить?

— Въ Думѣ онъ, депутатомъ.

Сначала въ кадетахъ ходилъ, потомъ къ Гучкову перекинулся, потомъ къ Балашову бѣжалъ. Теперь онъ вышелъ изъ всѣхъ партій. И въ Думу не ходитъ. Даже за жалованьемъ посылаетъ курьера. Самому скучно ходить. А. Трофимова, студента изъ «Вишневаго сада» помните?

— Какъ не помнить? Въ тюрьмѣ, вѣроятно...

— Былъ въ тюрьмѣ. Долго сидѣлъ. Но съ 1910 года исправился. Кончилъ университетъ. Помощникомъ присяжнаго повѣреннаго теперь состоитъ. Практикой занимается. Очки носить золотые. Дѣломъ занимается. Женатъ. Столовая въ декадентскомъ стилѣ. Кабинетъ солидный, тысячи двѣ заплачено. Для адвоката, говорить, нельзя дешевле. Телеграфиста Ять помните?

— Помню. Живъ еще.

— Живъ, живъ. Въ футуристы вышелъ. Каждый день въ новую краску лицо раскрашиваетъ и стихи сочиняетъ. Критики сначала было выругали стихи, но Ять заявилъ,

что они ничего те понимаютъ. Критики и испугались и стали его хвалить. Лекціи объ искусствѣ будущаго читаетъ. Публика валомъ валитъ. Ять побѣдителемъ смотритъ. Это тебѣ не телеграфъ.

— А Епиходовъ въ футуристы не пошелъ?

— Нѣтъ, Епиходовъ совсѣмъ на оборотъ... Епиходовъ къ старому искусству проявилъ страшную любовь. Епиходовъ теперь кромѣ Версаля ничего не признаетъ. Приходитъ онъ недавно и рассказываетъ: «Шелъ я по улицѣ и вдругъ балконъ на меня обвалился и ногу мнѣ перешибъ». Я спрашиваю, какъ нога, а онъ отвѣчаетъ: «Что нога! Нога дрянь! Балкона жалко. Балконъ-то вѣдь построенъ былъ господиномъ Растеряевымъ изъ чистой рококи. Не умѣютъ уважать старину».

— Какой рококи?

— Это онъ хотѣлъ сказать, что балконъ былъ построенъ Ростерли въ стилѣ рококо.

— Вотъ оно что... Про Астрова ничего не слыхали? Пьетъ?

— Пьетъ-то онъ пьетъ, но и дѣло разумѣть началъ. На послѣднемъ сѣздѣ врачей про абортъ распространялся. Необходимое, говорить, дѣло абортъ. Въ городѣ потомъ переселился и практикой занялся. Практика не плохая...

— Гдѣ теперь этотъ человѣкъ въ футлярѣ...

— Эге-ге, батюшка! Да онъ теперь персона! Въ 1909 году уже директоромъ гимназіи былъ. Теперь онъ еще выше пошелъ. Профессоромъ въ университетъ былъ назначенъ. Сначала государственное право читалъ, но вдругъ ушелъ мате-

матикъ и его назначили профессоромъ математики. Потомъ онъ занялъ кафедру восточныхъ языковъ, а когда ушелъ профессоръ анатоміи, онъ анатомію читалъ.

— Откуда у него такія знанія?

— Ни откуда. Приказали—и читалъ. Ни одинъ педагогъ не имѣетъ права отговариваться отсутствіемъ знаній. Приказано—читай.

— Гдѣ Вершининъ?

— Преуспѣлъ, преуспѣлъ и Вершининъ. Въ 1907 году отличился. Теперь генералъ. А Тригорина за были?

— Не забылъ! Не забылъ! Писатель изъ «Чайки».

— Онъ, онъ самый. Какіе пьесочки и романы теперь пишетъ! Пальчики облизываютъ. Въ каждомъ актѣ женщина измѣняетъ любовнику съ мужемъ...

— Мужу съ любовникомъ?

— Это старо... На этомъ денегъ не наживешь нынче. Нѣтъ, какъ сказалъ, такъ и есть.

Жена тайно измѣняетъ «дружку» съ мужемъ. Мужъ измѣняетъ сестрѣ своей жены съ женой и такъ далѣе. Въ романахъ почти то же самое. Тригоринъ теперь въ болѣе шихъ тысячахъ.

— Читаютъ его?

— Читаютъ. А для тѣхъ, кто его не читаетъ, онъ лекціи читаетъ. Отъ нынѣшняго писателя не уйдешь.

Долго еще рассказывалъ Лопухинъ и только, когда онъ ушелъ, я вспомнилъ, что забылъ спросить про стараго Фарса...

Вѣднаго человѣка и тутъ за были...

(«Д.») О. Л. Д'Орѣ.